

А. А. Романчук

Российский Археологический Ежегодник: новая «площадка для дискуссий» в российской археологии

Вышел в свет первый номер нового российского археологического журнала. Прекрасно изданный, с качественными цветными иллюстрациями, почти семисотстраничный том, он производит весьма приятное впечатление уже своим внешним видом. Еще более импонирует задумка издателей, по которой журнал призван стать в первую очередь «площадкой для дискуссий» по самым интересным и значимым на сегодня проблемам археологии и смежных с нею дисциплин.

Время покажет, насколько замысел будет реализован. Но, по крайней мере, «первый блин» точно удался. Редакторам удалось собрать действительно интересные работы по весьма злободневным и важным проблемам археологии.

Уже первый блок статей, посвященный обсуждению т.н. «атлантической гипотезы» (гипотезы о первоначальном заселении Америки из Западной Европы через Атлантический океан носителями верхнепалеолитической культуры солютре; с конца 90-х годов прошлого века эта идея активно развивается Б. Брэдли и Д. Стэнфордом) бьет в точку. И решающую роль в этом сыграло, на мой взгляд, то, что издателям удалось организовать именно обсуждение, с привлечением ряда крупнейших представителей российского палеолитоведения. Такое обсуждение, безусловно, созрело, поскольку среди археологов СНГ отношение к солютрейской версии происхождения культуры клонис весьма скептическое — хотя при этом на самом деле почти никто сколько-нибудь глубоко с этой гипотезой не пытался разобраться. Признаться, я и сам ранее просто отмахивался от солютрейской гипотезы, даже не затрудняя себя знакомством с ней.

Между тем, А.В. Табарев, ставший застрельщиком этой дискуссии, совершенно справедливо замечает: «Прежде чем отрицать, давайте попробуем разобраться» (Табарев 2011: 10). И в своей первой статье предлагает анализ основных аргументов позиции Брэдли-Стэнфорда, обращая внимание на те из них, ключевые, которые, по его мнению, недооцениваются и недопонимаются противниками солютрейской версии.

Позиция А.В. Табарева была поддержана М.В. Аниковичем, против же выступили С.А. Васильев, В.В. Питулько и С.Б. Слободин.

Здесь нет ни возможности, ни необходимости достаточно подробно изложить суть дискуссии и позиции сторон. Но хотел бы отметить, что, как представляется, из дискуссии следует, что на самом деле здесь подлежат обсуждению две проблемы, отнюдь не связанные неразрывно. Первая — проблема возможности миграции солютрейцев через Атлантический океан. Вторая — проблема возможности родства индустрий солютре и клонис.

Критики солютрейской гипотезы в основном сосредоточили свое внимание на первой проблеме, и здесь их несогласие вполне убедительно. Хотя и все же не фатально для солютрейской гипотезы. Вообще, на мой взгляд, когда мы пытаемся поставить во главу угла при решении подобного рода вопросов то, что «неясно, как люди преодолели ледник...» (Слободин 2011: 49), или «неясно, как солютрейцы переплыли Атлантику», нам следует чаще вспоминать о «Кон-Тики». Или историю о геологе и двух аборигенах, приведенную В.В. Питулько (2011: 40). В конце концов, как хорошо было замечено: «нельзя забы-

вать о фундаментальном научном принципе: было бы следствие, а причина найдется» (Васильев, Березкин, Козинцев 2009: 124).

Поэтому вторая проблема представляет мне более важной. Ей же оппоненты идеи трансатлантической миграции солютрейцев уделили меньше внимания.

Между тем, А.В. Табарев и М.В. Аникович поставили здесь ряд вопросов, которые имеют принципиальное значение и которые нуждаются в более детальном обсуждении.

Прежде всего, они подчеркивают, что принципиальным отличием позиции Брэдли-Стэнфорда является то, что они подошли к вопросу родства солютре и кловис технологически — а не типологически. Факт этот вполне осознается критиками, но вот их реакция кажется мне недостаточной.

Критики солютрейской гипотезы полагают, что «технологии кловис и солютре похожи, потому что и в том, и в другом случае целью было получить тонкий бифас...» (Питулько 2011: 42). И считают сходство двух технологий результатом конвергенции.

Но, без комментариев с их стороны остался весьма важный аргумент сторонников солютрейской версии: такая характерная для солютре и кловис техника изготовления каменных орудий, как прием *overshot*, хотя и встречается во многих палеолитических культурах, но частота его использования в них весьма различна. В среднем и раннем верхнем палеолите Европы она составляет 1,7%. В солютре же 35—36%, тогда как в кловис — вообще 60—67% (Табарев 2011: 16).

Между тем, если эти статистические данные достоверны, то разница безусловно впечатляющая.

Нуждается, на мой взгляд, в более развернутом обсуждении и следующий тезис: «техника тонкого бифаса», по мнению Б. Брэдли, с которым солидарен и Е.Ю. Гиря, «встречена лишь в трех верхнепалеолитических культурах — стрелецкой (Восточная Европа), солютрейской (Западная Европа) и кловис (Северная Америка)» (Аникович 2011: 32). Соответственно, М.В. Аникович полагает, что «Д. Стэнфорд и Б. Брэдли совершенно правы, утверждая, что индустрии Северо-Восточной Азии (Ушки, Дюктай), а также Аляски (Мейса, Ненана) в технологическом отношении принципиально отличаются от индустрий типа стрелецкая-солютре-кловис» (Аникович 2011: 32). С последним тезисом, кстати, согласен и В.В. Питулько: «отсутствие связи между технологиями кловис и берингийской (ушковско-дюктайской)

также выглядит логично: если первые происходят от какого-то другого корня, с *иной идеологией расщепления* (курсив мой — А.Р.), то сходства между ним точно будет немного» (Питулько 2011: 41). В том, что «технология кловис настолько специфична, что исследователи не перестают искать ей хоть какие-то аналогии...» (Слободин 2011: 50), согласны и С.А. Васильев, и С.Б. Слободин.

Хотя, с другой стороны, следует заметить, что в литературе были попытки, и совсем недавние, доказать происхождение кловис из Ненана (Buchanan, Collard 2008: 1692).

Поэтому именно эти проблемы, на мой взгляд, должны быть в центре дальнейшей дискуссии. И хотя никто не будет отрицать возможности конвергенции технологий, главный вопрос в том, действительно ли в данном случае мы имеем дело с конвергенцией?

Тем более что, согласно А.В. Табареву, наконечники с желобком «не являются идеальным решением для оснащения метательных орудий». Позднее в Северной Америке существовали «десятки не менее эффективных форм и модификаций наконечников» (Табарев 2011: 26). Снятие желобка, по мнению А.В. Табарева, технологически сложно и вряд ли функционально детерминировано, скорее, это некая демонстрация уровня мастерства, так сказать — «выпендрейж». В этом с ним солидарен и М.В. Аникович: «желобчатые наконечники — всего лишь один из вариантов техники тонкого бифаса, если угодно — высшая степень мастерства» (Аникович 2011: 32).

Помимо того, представляется очевидным, что в вопросе о родстве/неродстве кловис и солютре стоит принять в расчет и вариант возможности появления традиции пре-кловис в Америке через Берингию. Хотя «желобчатые наконечники Аляски не решили вопроса о происхождении кловис...» (Слободин 2011: 49), но факт их наличия примечателен.

И, как следует из предварительных замечаний А.В. Табарева по поводу проанализированных им финальнопалеолитических материалов российского Дальнего Востока и Японского архипелага (Табарев 2011: 28; 2011а: 53), именно этот вариант он предлагает в качестве альтернативы «атлантической версии». О необходимости рассмотрения такого варианта говорят и другие участники дискуссии: «Возможность такого сценария не исключена с учетом значительного технологического сходства ряда берингийских комплексов возрастом до 11 тыс. лет без микропластин с материалами стоянок пре-кловис (Мидоукрофт,

Кактус-Хилл)» (Слободин 2011: 49). При этом С. Б. Слободин подчеркивает: «Х. Мюллер-Бек прослеживал распространение мустьероидных технологий с бифасами в Европе (в том числе и солютре как позднее проявление бифасиальной индустрии конца позднего плейстоцена), отмечая их на Костенках 1 (сл. 5) и далее в Америке в материалах “Древнейшего Ллано” (кловис). Дж. Диксон предполагал проявление “мустьероидных” черт вследствие миграции или диффузии в комплексе Акмах на стоянке Онион Поридж на Аляске, где, кстати, имеются и прекрасные образцы овальных бифасов со сколами типа *overshot*» (Слободин 2011: 49).

И если принять во внимание идеи Х. Мюллер-Бека, то появление рядом с солютре и кловис также и стрелецкой культуры оказывается не случайным (при том, что стрелецкая культура относится к ранней поре верхнего палеолита (Вишняцкий 2008: 169)). Поэтому, хотя, по всей видимости, такой вариант предполагает более отдаленное родство солютре и кловис, нежели в версии Брэдли-Стэнфорда, но все же — родство¹.

Впрочем, будем с нетерпением ждать в следующем номере РАЕ заявленной А. В. Табаревым статьи, где он как раз и собирается предложить новую версию решения проблемы родства Солютре и Кловис. Пока же обратимся к другим темам, затронутым в вышедшем томе.

Теоретический блок представлен, во-первых, прекрасной статьей Л. С. Клейна, размышляющей над проблемами выдвигания и развития гипотез в науке вообще, и в частности в археологии. Полагаю, что знакомство с ней чрезвычайно обогатит любого читателя — в том числе и тех, кто сам уже давно и успешно научные гипотезы продуцирует. Хотя и известно, что «когда сороконожку спросили, как она ходит, она тут же разучилась ходить», но на самом деле, пожалуй, большая часть того, что мы делаем интуитивно, будучи подвергнуто рефлексии, может быть весьма и весьма усовершенствовано. И, думаю, вполне справедливо наблюдение, что в своем развитии опережают другие именно те науки, в которых студентов целенаправленно учат работать с гипотезами (Клейн 2011: 66). Убеждает и аргументация

в пользу «метода множественных гипотез» как наиболее продуктивного.

Вторая статья блока поддерживает и развивает аналогию Л. С. Клейна о сходстве работы археолога и детектива (Лич 2011).

Статья, открывающая палеолитический блок, посвящена анализу спора: объясняется ли форма ашельских рубил их функцией и качеством сырья, или же права высказанная достаточно давно точка зрения, видящая в них также и проявления эстетических потребностей первых людей. Авторы вполне убедительно показывают, что в любом случае опережающее мысленное моделирование является условием изготовления орудий столь сложных форм (Беляева, Любин 2011: 90). И хотя отрицать влияние функции и сырья не приходится, но все же «форма рубил явно более сложна, чем этого требует их утилитарная функция» (Беляева, Любин 2011: 95).

Вторая статья блока посвящена уточнению хронологии такого ключевого памятника начального этапа верхнего палеолита Забайкалья, как Подзвонкая. Автор отмечает, что имеющиеся радиоуглеродные даты Подзвонкой сегодня часто используются некорректно, и этим во многом объясняется спор о датировках (Ташак 2011: 103). Поэтому и считает важным расставить точки в этом вопросе. И показывает, что «логично определять возраст культурных горизонтов Восточного, Юго-Восточного и Западного комплекса в рамках 35—40 тыс. л. н., в этом случае, Нижний комплекс, согласно морфотипологическому анализу материала, безусловно древнее 40 тыс. лет» (Ташак 2011: 109).

Блок мезолит — неолит открывается обширной статьей, посвященной обзору раннеголоценовых памятников Аляски (Слободин 2011а: 111—147). В статье дается характеристика 60-ти основных археологических памятников, изученных к настоящему времени, излагаются представления о классификации их индустрий, хронологии и генезиса. Учитывая, что в русскоязычных публикациях по археологии Аляски обычно наибольшее внимание уделяется более ранним периодам, что «многие авторы отмечают слабую изученность этого периода», и что даже в англоязычной литературе указывается, что это «плохо понимаемый период в археологии центральной Аляски», «неясный» (Слободин 2011а: 111), статья заполняет весьма важную лауну в представлениях русскоязычной археологии. И, думаю, будет весьма востребована специалистами.

¹ Кстати, продвижение носителей костенковско-стрелецкой культуры в восточном направлении демонстрирует памятник Гарчи I на Северном Урале (Павлов 2009).

Ряд наиболее спорных вопросов раннего неолита Верхнего Поволжья, и в первую очередь — соотношение валдайской, верхневолжской и верхне-окской культур, рассматривается в следующей статье (Цветкова 2011: 148—182). Автор указывает, что прояснение многих проблем затруднено тем, что первоначальная характеристика той же Верхневолжской культуры «основана на изучении смешанных комплексов» (Цветкова 2011: 176). Поэтому первоочередными задачами сегодня являются переоценка старых коллекций и поиск новых надежно стратифицированных памятников. В целом, детальный анализ керамики и каменной индустрии валдайской раннеолитической культуры (прежде всего со стоянок ее раннего этапа — Котчище 1 и 2), по ее мнению, «показал высокую степень сходства с Верхневолжской культурой по орнаментальным композициям, составу теста и технико-морфологическим параметрам соответственно» (Цветкова 2011: 171). Поэтому, полагает она, «ранний этап валдайской культуры следует рассматривать как валдайский локальный вариант верхневолжской культуры» (Цветкова 2011: 174). Выделение же особой волго-окской культуры в раннем неолите на территории Верхнего Поволжья «пока недостаточно обосновано» (Цветкова 2011: 176).

Объемная статья А. А. Ковалева, открывающая блок палеометалла, увенчивает собой ряд его более ранних работ, посвященных проблеме постулируемой им «великой чечурчекской миграции» из Франции на Алтай в эпоху ранней бронзы (Ковалев 2011: 183—244). По его мнению, возникновение распространенной в предгорьях Монгольского Алтая от озера Зайсан до реки Булган чечурчекской культуры следует связывать с миграцией населения с территории Западной и Южной Франции. Именно там обнаруживаются «одновременно все специфические признаки чечурчекских курганов... кроме аналогий в конструкции погребальных сооружений мы находим здесь сходство в формах и орнаменте сосудов, а также в облике каменных статуй. Все аналоги из Западной Европы датируются более ранним периодом, нежели появление чечурчекских памятников на Алтае» (Ковалев 2011: 192). Эти аналогии обнаруживаются в памятниках позднего неолита от Северных Пиренеев по гористым областям Лангедока и Прованса до предгорий Альп, и датируются они концом IV — началом III тыс. до н. э. (Ковалев 2011: 202).

Аргументы автора представляются вполне убедительными, тем более что анализ мтДНК двух погребенных из чечурчекского кургана Ауна-Булак 1—3 «показал их европейское происхождение». Равно как и черепа и фрагменты их из чечурчекских курганов Монголии, по заключению антропологов, принадлежат европеоидам и при этом отличаются от европеоидных черепов носителей афанасьевской культуры (Ковалев 2011: 192). Особый интерес представляет то, что А. А. Ковалев в результате склоняется (хотя и скорее в форме вопроса) к поддержке высказанной Линь Мэйцунем (Ковалев 2011: 186) гипотезы о связи чечурчекской миграции с тохарами (Ковалев 2011: 202). То есть, к тому, чтобы отказаться от предложенной им ранее идеи о принадлежности тохарам культуры чаодаогоу и, соответственно, миграции тохаров в пределы Восточной Азии из района Загроса (Ковалев 2004: 262).

Следует отметить, что идея о принадлежности тохарам именно чечурчекской культуры была поддержана, с определенными оговорками, и Л. С. Клейном (Клейн 2011а: 186). И, пожалуй, и с точки зрения лингвистической эта гипотеза объясняет наилучшим образом все имеющиеся на сегодня факты.

Вместе с тем, А. А. Ковалев в связи с параллелями между Чечурчекской культурой и поздним неолитом Южной и Западной Франции настаивает на том, что «ничего подобного ... между Францией и Алтаем не найдено» (Ковалев 2011: 192). Что, по его мнению, исключает диффузию и свидетельствует о миграции.

Аналогичный момент, кстати, он подчеркивал ранее и в связи с миграцией из Загроса, ставшей причиной формирования культуры чаодаогоу (Ковалев 2004: 261).

Однако по этому поводу стоит заметить, что как бы быстро ни двигались пра-тохары в ходе своей миграции, все же они путешествовали не в реактивном самолете. Напротив, признаваемый в том числе и А. А. Ковалевым «уральский субстрат в тохарах» (Ковалев 2004: 266) настоятельно требует признания и факта неких «промежуточных прародин» тохаров. А следовательно, необходимо искать и археологические следы этих «промежуточных прародин». Тем более, что как он сам ранее отмечал, «чечурчекские памятники обнаруживают и признаки восточноевропейского происхождения» (Ковалев 2005: 181).

Продолжающая сборник статья посвящена критическому анализу существующих

в науке подходов к исследованию семантики орнаментов культуры Кукутень-Триполье (Палагута 2011: 245—261). Автор показывает, что, несмотря на достаточно давно высказанную критику, для интерпретации орнаментации керамики Кукутень-Триполья вплоть до сегодняшнего дня все еще используются подходы, основанные фактически на «свободных ассоциациях» — что позволяет их последователям, в конечном итоге, найти в них то, что пожелает душа исследователя (Палагута 2011: 249).

Железный век в номере представляют тоже две статьи, первая из которых посвящена реконструкции этапов функционирования и вопросам хронологии такого выдающегося погребально-поминального комплекса раннескифского времени в Туве, как Аржан-2 (Чугунов 2011: 262—335). Автор отмечает, что хотя на немецком языке была издана коллективная монография с полной публикацией комплекса, но текст ее при переводе был сильно сокращен (Чугунов 2011: 263). А изложенная в ней Г. Парцингером версия реконструкции погребального обряда, по мнению автора, «не может быть принята». Соответственно, этот и ряд других пробелов монографии и призвана восполнить данная (стоит отметить — тоже весьма объемная) статья.

Особое внимание, полагает К. В. Чугунов, следует обратить на «дискретность постройки кургана», что имеет серьезное значение для датировки памятника. В целом, по его мнению, «...большинство материалов памятника должно быть датировано последней четвертью VII в. до н. э.» (Чугунов 2011: 331).

Находки римских монет в двух кладках в районе Копорья стали предметом рассмотрения следующей статьи (Шаров, Палагута, Хаврин 2011: 336—360). Учитывая, что «монетные кладки римской эпохи до последнего времени на территории Северо-Запада России были неизвестны» (Шаров, Палагута, Хаврин 2011: 338), находки эти представляют значительный интерес. По мнению авторов, с учетом открытия также ряда захоронений этого времени на Ижорском плато, «предварительно можно говорить об открытии новой культуры римской эпохи на Северо-Западе — культуры ижорских каменных курганов, практически синхронных и родственных с соседней, более западной культурой — эстонских каменных могильников» (Шаров, Палагута, Хаврин 2011: 342).

Эпоха средневековья начинается в номере тоже объемной статьей по археологии Пскова

(Белецкий 2011: 361—395). Автор отмечает, что «в литературе раннегородское образование при слиянии Псковы и Великой традиционно рассматривается как результат эволюционного развития поселения, существовавшего на площадке Псковского городища в последней четверти I тысячелетия н. э.» (Белецкий 2011: 380). Однако как раз это, по его мнению, и вызывает сомнения. Судя по всему, в первой трети XI в. (до 1044 г.) это раннегородское поселение гибнет в пожаре; уничтожается святилище, нивелируются курганные насыпи некрополя, а само пространство, прежде занятое некрополем, начинает застраиваться городскими кварталами (Белецкий 2011: 384). А в следующие сто лет, с середины XI — по середину XII вв., территория неукрепленного поселения у слияния Псковы и Великой выросла в сравнении с предшествующим временем более чем в три раза, превысив 40 га (Белецкий 2011: 387).

Это, как и ряд других фактов, и побуждает нас, по мнению С. В. Белецкого, к осторожности в стремлении увидеть здесь последовательное эволюционное развитие.

Северо-западу Новгородской земли посвящена следующая статья, относящаяся к средневековому блоку (Лесман 2011: 396—420). Автор, рассмотрев распространение ряда типов украшений (шейные гривны с рыльцами, пластинчатые перстни с четырьмя волютами на концах и пр.) в древнерусских погребениях рубежа XI—XII вв. на территории Ижорского плато, подтверждает и модифицирует предложенную им ранее гипотезу о заселении Ижорского плато древнерусским населением из Северо-Восточного Причудья. Он обращает внимание, что данные типы украшений входят в более обширную группу артефактов (в первую очередь также украшений), которая распространяется вдоль северо-западных, северных, отчасти северо-восточных и восточных границ Древнерусского государства (прежде всего в Латгалии, восточной Эстонии, южной Финляндии, Приладожье) в среде населения, говорившего на финно-угорских и балтийских языках. Показателен, по его мнению, и факт максимальной (и действительно резко выраженной) концентрации ряда типов этой группы в районе Чудского озера, прежде всего в могильнике Залахтове на восточном берегу и в Западном Причудье (Лесман 2011: 407, 415). Это, как и ряд других моментов, приводит автора к мысли о том, чтобы соотнести выделяемую им группу украшений с упоминаемыми в Русской правде и других

письменных памятниках *колбягами* (Лесман 2011: 416).

Выводы и результаты статьи Ю. М. Лесмана представляются весьма интересными и продуктивными. Следует отметить, что его первый вывод, о заселении Ижорского плато из Северо-Восточного Причудья, в принципе не встречает возражений и у антропологов (Санкина 2011: 157).

Но особенно любопытен все же его вывод об отождествлении выделяемой им группы артефактов с *колбягами*. Любопытен и настоятельно требует дискуссии — поскольку, очевидно, есть ряд вопросов, которые нуждаются в прояснении.

Во-первых, следует отметить, что предположение Ю. М. Лесмана основано на принятии социальной трактовки термина *колбяги* (не лишенной все же, по его словам, «ни этнической, ни географической окраски»). И это вполне понятно, поскольку, как он сам отмечает, население, оставившее могильник Залахтовье, весьма аргументировано идентифицируется Н. В. Хвоцинской с *эстами* (то есть *чудью*), а истоки его материальной культуры не менее убедительно выводятся ею с западного берега Чудского озера (Хвоцинская 2004: 165—170).

Однако предложенная им трактовка *колбягов* как некой социальной группы, несущей порубежную службу, плохо согласуется с попаданием *колбягов* в «Русскую правду», да еще и в качестве очевидно привилегированной группы. Равно как с этим плохо согласуется и то, что в весьма ранних скандинавских сочинениях (в частности, в «древнейшем исландском итинерарии») обнаруживается отождествление Руси в целом и «земли кюльфингов»: «Кюльфингаланд, который мы называем Гардарики» (Мачинский 1988: 85).

Впрочем, с этим плохо согласуется и идея связать с *кюльфингами-колбягами* какую-то локальную группу на Северо-Западе Руси. Хоть бы и приладожскую курганную культуру (далее — ПКК), как предложил Д. А. Мачинский (1988). Тем более, что опять-таки ПКК благополучно и весьма убедительно отождествляется с всей (Кочкуркина 2003; Муллонен 2003).

Как представляется, из факта отождествления Руси и «земли кюльфингов-колбягов» (и в том числе характерной формы, в которой это отождествление делается), в сочетании с другим фактом — что традиция о *кюльфингах-колбягах* с течением времени не усиливается, а ослабевает, вытекает:

наименование Кюльфингаланд является более древним, нежели Гардарики. А то, что *колбяги*, столь заметные в начале Руси, с течением времени бесследно ассимилируются — в отличие от, например, тех же *вепсов*, настоятельно требует понимать их как явление, не связанное с какой-то локальной группой, а распространившееся рано и широко, но «тонко», и находившееся в центре событий.

Поэтому и наиболее убедительная на сегодняшний день гипотеза об этнической природе *колбягов* (и о принадлежности *колбягам* ПКК) (Мачинский 1988; Кулешов, Мачинский 2004), принимаемая отчасти и Ю. М. Лесманом, на мой взгляд, очевидно требует дальнейшего развития.

А именно, если В. С. Кулешов и Д. А. Мачинский правы в своем предположении о восхождении термина *колбяги* не просто к основе *kylfa* «дубина, палка», но к характерному для германской картины мира «стереотипу меча и дубины» (Кулешов, Мачинский 2004: 215), то тогда следует иметь в виду и акцентированное ими сообщение Тацита об «эстиях, вооруженных дубинками». Из него очевидно следует, во-первых, что германский «стереотип меча и дубины» существовал уже во времена Тацита. А во-вторых, что уже тогда эпитет «дубинщики» прилагался германцами (и, по всей видимости, и скандинавами) именно к *эстиям* — жителям юго-восточного побережья Балтики, «предкам пруссов и других западнобалтийских народов». И, в-третьих (как, на мой взгляд, явствует из этимологических разысканий В. С. Кулешова и Д. А. Мачинского о соответствии финского *kalpa* — «меч» и прусского *kalabian, kalbian* — с тем же значением (Кулешов, Мачинский 2004: 212, 215)), можно предположить, хотя и сугубо предварительно, что этот эпитет возник в той или иной степени как реакция на существовавший в среде *эстиев* эндоэтноним, восходящий к корню со значением «меч».

Думается, поэтому, что вряд ли термин *кулбинги-кюльфинги-колбяги* родился как наименование «новых поселенцев на Сяси» (Кулешов, Мачинский 2004: 222). Тем более, что «... достаточно изученная археологами территория, занятая ПКК, для предшествующего времени (I — середина IX вв.) пока представляет собой “зону археологической пустоты” (Кулешов, Мачинский 2004: 220). Эта пустота начинает заполняться с юга, когда после середины VIII в. на Сяси появляются сопки, подобные волховским в окрестностях Ладоги. И лишь «около рубежа IX—X вв. сопки в окрестностях городка на Сяси сме-

няются ... курганами ПКК. В это время или двумя десятилетиями позже прекращается жизнь на городище и селище» (Мачинский, Панкратова 2002: 39). А сам Д. А. Мачинский при этом достаточно убедительно, на мой взгляд, показал, что сведения о встрече Торольва с кюльфингами вряд ли стоит считать отражением более поздних представлений, и они действительно относятся к концу IX в. (Мачинский 1988: 83—85). Равно как и то, что Городище на Сяси следует идентифицировать с Алаборгом, в контексте с которым и упоминается вооруженный *kulfa* Рендольв (Мачинский, Панкратова 2002: 38).

Поэтому, на мой взгляд, скорее всего возник этот этноним в западнобалтской среде, существовал там задолго до возникновения ПКК и принесен в Поволховье и Приладожье (в том числе и на Сясь, но не только) был «уже в готовом виде» с юго-восточного побережья Балтики. Во всяком случае, если «восточногерманское присутствие для III—IV вв. н.э. прослеживается в земле пруссов», то в V—VI вв. «мощное влияние прусской культуры» испытывают и Борнхольм, и Готланд (Кулаков 1999: 149). Это привело «многих скандинавских специалистов к выводу о наличии в V—VIII вв. групп балтского населения на островах центральной части акватории Балтийского моря». По мнению В. И. Кулакова, проникают пруссы и в Финский залив, и вплоть до Старой Ладogi, где обнаруживаются погребения, которые «по деталям погребального обряда и по инвентарю... находят полные аналогии в прусских древностях конца VII века» (Кулаков 1999: 149).

Подробнее эта тема разбирается В. И. Кулаковым в другой работе, где он указывает, что торговля янтарем и его обработка в Старой Ладoge была одним из основных видов хозяйственной деятельности. И высказывает тезис, что до 820 года она была здесь в руках «пруссских купцов» (Кулаков 1999a: 201). К этому стоит добавить, что «топография кладов арабских монет IX в. демонстрирует их концентрацию в Новгородской земле, а также в Померании, Восточной и Западной Пруссии» (Рыбина 1997: 327). А позднее «подобная ситуация прослеживается и в распространении кладов с западноевропейскими монетами».

Заметим также, что в материальной культуре ПКК «исследователи особо подчеркивают «местный» — «финский» компонент», но при этом в комплексе «финских» элементов ПКК «часть вещей имеет запад-

ное — прибалтийское — происхождение» (Кулешов, Мачинский 2004: 222). А выделяемая Ю. М. Лесманом группа украшений демонстрирует значительное количество типов, которые весьма заметно представлены на территории Латвии и Литвы. А иногда там наблюдается и основная зона их концентрации, и наличие прототипов — как для двупластинчатых шейных гривен в Латгалии (Лесман 2011: 412). И, кстати, стоит вспомнить, что ранее Н. В. Хвоцинская писала: «наличие в залахтовских погребениях комплекта нагрудных украшений, встречающихся в латвийских и литовских могильниках, позволяет реконструировать верхнюю часть наряда женщины Залахтовья в соответствии с костюмом древней латгалки или литовки» (Хвоцинская 1976: 20). И, «не отказываясь полностью от предположения В. В. Седова о том, что этот могильник оставлен особой группой восточных балтов, родственных латгалам», считала, что Залахтовье «следует рассматривать как памятник, отражающий результат смешения культур латгалов и населения Новгородской земли» (Хвоцинская 1976: 23).

Наконец, немаловажно указать здесь и на распространенную точку зрения о том, что первоначально путь с Балтики в Поволховье был освоен через Двину — с чем, в частности, некоторые исследователи сопоставляют факт «поразительного совпадения женского убора населения Днепро-Двинского междуречья (кривичи) и Ладogi во второй половине VIII—IX вв.» (Мачинский, Панкратова 2002: 33).

Поэтому, исходя из всего вышесказанного, можно предположить: продвижение *колбязгов* в Приладожье и Поволховье представляло собой результат вовлечения (и весьма активного, даже опережающего, участия) западнобалтского населения в те мощные колонизационные потоки из славянских земель южного побережья Балтики на Северо-Запад Руси, которые имели место в VIII—IX вв. и позднее (ВРВ 2010; Гайдуков, Носов, Янсон 1993: 119; Горюнова 1991: 47; Горюнова, Плохов 2011; Кузьмин 2003: 302—309; Курбатов 2006: 68—69; 2011: 185; Носов 1997: 277; Рыбина 1997; Рябинин, Дубашинский 2002: 202; Седов 1978: 64; Смирнова 1974; Фомин 2005: 422—473)².

² Впрочем, следует отметить, что еще в римское время «начиная с фазы В2/С1 Самбия и прилегающие территории были практически полностью покинуты автохтонным западнобалтским населением, отступившим на восток под натиском пришельцев...» и вновь

Не имея здесь возможности останавливаться на этом достаточно детально, все же считаю абсолютно необходимым представить здесь некоторые из полученных исследователями выводов. Поскольку они, на мой взгляд, очевидно недоучитываются при рассмотрении вопроса о происхождении *колбягов*.

Итак, «комплекс аргументов, подтверждающих переселение на северо-запад будущей Руси групп южнобалтийского населения включает анализ массового материала — комплекса лепной и раннекруговой керамики... антропологические, лингвистические, этнографические и письменные данные. Дополнительным подтверждением можно теперь считать и археологический комплекс изделий кожевенного ремесла» (Курбатов 2006: 68—69). Или, по словам другого исследователя, «факты позволяют с большой степенью вероятности говорить о заселении Новгородской земли и о формировании населения самого Новгорода не с юга (из Приднепровья), как считалось ранее, а главным образом с южного побережья Балтики, из области расселения западных славян» (Рыбина 1997: 327).

Уже «в середине (возможно, в начале) VIII в. на Любше воздвигается крепость качественно нового типа. Ее создатели не являлись аборигенными жителями Восточной Европы... Изначально здесь осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами» (Рябинин, Дубашинский 2002: 202). Предполагается, что именно крепость на Любше изначально прикрывала поселение Старой Ладogi.

Особого внимания здесь заслуживает именно керамика — наиболее надежный этноиндикатор (в отличие от более склон-

ных все же к «летучести» украшений и оружия). Типы керамики Новгородской земли, восходящие к славянским землям южной Балтики, изучаются уже более сорока лет. Подводящая на сегодняшний день итоги этих исследований статья указывает, что «только западнославянским мастерам удалось оказать существенное влияние на гончарное производство Новгородской земли» (Горюнова, Плохов 2011: 273). Если говорить лишь о возникших собственно в Новгородской земле из западнославянских местных типах, то в Новгороде они составляют до 10—11% керамического материала (Горюнова, Плохов 2011: 271). Впрочем, на некоторых памятниках этот процент существенно выше. Так, в Городке на Ловати около 30% раннегончарной керамики — это два типа, ближайšie аналогии которым составляет «западнославянская керамика различных вариантов группы Фрезендорф. Появление обоих типов на Городке следует связать с Западным Поморьем. Наиболее близкие переходные формы происходят с острова Рюген» (Горюнова 1991: 47). Да и «в комплексе раннегончарной керамики Рюрикова городища все отчетливее выступают черты западнославянской керамической традиции» (Носов 1997: 277). Впрочем, находки ранней западнославянской южнобалтийской керамики IX—X вв. отмечаются даже в Подонье (Рогудеев 2007)³.

Но и не только керамика отражает миграцию славянского населения с южного побережья Балтики. Так, для Рюрикова городища исследователи указывают, что: «элементы материальной культуры Городища, которые можно определить как славянские (керамика, хлебные печи, двушипные втульчатые наконечники стрел), находят параллели на западнославянских землях, примыкающих к Балтийскому морю...» (Гайдуков, Носов, Янсон 1993: 119). И даже «набор злаковых культур, распространявшийся в Новгородской земле в IX—X вв., был аналогичен ассортименту злаков, культивировавшихся в славянских памятниках Южной Балтики (Ольденбург) и существенно отличался от набора злаков, наиболее упо-

«эстии-балты» заселяют Янтарный берег «в результате «западнобалтской реконкисты» середины V в.» (Кулаков 2003—2004: 377). Что, по В.И. Кулакову, и вызывает возникновение прусской культуры. Далее, недавно в Старой Ладoge была обнаружена перекладчатая фибула римского времени, которую О.В. Шаров отнес к «первой восточнобалтийской группе Тышлера, к типу А3 по М. Шмидельхельм...» (Шаров 2005—2009: 231). По его мнению, на четвертом этапе развития перекладчатых фибул происходит их распространение из западнобалтских земель на восток, вплоть до Эстонии включительно (Шаров 2005—2009: 239). Культура каменных могильников Эстонии демонстрирует весьма отчетливые связи с западными балтами. А предложенное в данном сборнике выделение Ижорской культуры каменных могильников (Шаров, Палагута, Хаврин 2011: 342) подтверждает высказанное ранее О.В. Шаровым предположение о неслучайном характере находки в Старой Ладoge.

³ Стоит отметить, что «на памятниках Северо-Запада России отмеченные типы скандинавской посуды немногочисленны» (Горюнова, Плохов 2011: 259). Вообще, «при анализе керамических комплексов Старой Ладogi и Рюрикова городища бросается в глаза малое число находок североευропейской посуды» (Горюнова, Плохов 2011: 261).

требительных в то же время в расположенном по соседству скандинавском Хедебю» (Рыбина 1997: 328).

Остановившись на этом, перейдем к следующим статьям и упомянем о представленной в журнале публикации материалов такого весьма любопытного памятника эпохи неолита — раннего металла с территории Санкт-Петербурга, как Охта I (Гусенцова, Сорокин 2011: 421—451). В ней нашли отражение результаты комплексных исследований этого памятника, а также наиболее любопытные находки.

Далее следует большой и очень важный блок, посвященный истории археологии. Из представленных в нем статей (Сорокина 2011: 452—471; Смирнов 2011: 511—526; Тихонов 2011: 527—547) хотелось бы особо выделить обширную работу, посвященную жизненному пути В.А. Городцова (Белозерова, Кузьминых, Сафонова 2011: 472—510). В ней использованы материалы рукописного архива ученого, в том числе, что очень важно, его сохранившиеся дневники. Он вел их с 90-х гг. XIX в. и до ноября 1944 — почти до своей кончины.

Весьма украсил том и блок, посвященный использованию естественно научных методов в археологии. Помимо статьи, посвященной рассмотрению некоторых событий и процессов в Скандинавии в послеледниковье сквозь призму роли климатического фактора (Randsborg 2011: 548—553), следует отметить небольшую, но очень емкую, насыщенную информацией статью о достижениях радиоуглеродного метода за последние двадцать лет (Кузьмин 2011: 554—573). Развитие возможностей этого метода в последние годы идет просто семимильными шагами, можно говорить, пожалуй, о новой «радиоуглеродной революции», и следить должным образом за всеми достижениями просто не хватает времени. Поэтому, думаю, данный обзор будет весьма ценным помощником в этом отношении.

Статья, посвященная проблемам археологического образования в России (Шер 2011: 574—588), рассматривает весьма болезненные для постсоветского пространства вопросы. Кризис образования, и не только археологического, связан с рядом причин (в том числе и с общим обеднением общества), но не в последнюю очередь с непродуманной государственной политикой. Безоглядное движение к болонскому процессу действительно отражается на постсоветском высшем образовании не лучшим образом, и я вполне согласен с автором, что в ряде случаев то, что для Европы стало шагом вперед, для постсоветского пространства представляет собой шаг назад (Шер 2011: 585).

Поэтому вопросы: что делать? как делать? — сегодня, безусловно, чрезвычайно актуальны. Думаю, что помимо официального введения специальности «археолог» в российских вузах — в чем автор, безусловно, прав, здесь необходимо комплексное решение проблемы, основанное на синтезе как европейского опыта, так и советского.

И, наконец, завершает том весьма обширный, почти двухсотстраничный блок рецензий и обзоров. В современном мире колоссальных потоков информации это следует всеми силами приветствовать — ибо они весьма помогают не замыкаться в рамках узких профессиональных интересов своей области исследований. И, не имея возможности рассмотреть подробнее этот блок, все же здесь не могу не отметить, что просто львиная доля материалов данного блока принадлежит Льву Самойловичу Клейну.

Завершая на этом свой обзор, хочу еще раз от души пожелать издателям «попутного ветра» и соблюдения избранного курса. Думаю, чем больше в журнале будет организовываться обсуждений, подобных (в том числе и по форме) «солотрейской гипотезе», тем больший успех ждет его у читателей. Может быть, какие-то темы для грядущих обсуждений навеет и данный текст.

Литература

- Аникович М. В. 2011. Комментарии. *РАЕ* 1, 31—34.
Белецкий С. В. 2011. Псков в I — начале II тысячелетия н. э. *РАЕ* 1, 361—395.
Белозерова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2011. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения). *РАЕ* 1, 472—510.
Беляева Е. В., Любин В. П. 2011. Ашельские рубила и истоки протодизайна. *РАЕ* 1, 73—99.
ВРВ 2010: Варяго-русский вопрос в историографии. Фомин В. В. (отв. ред.). 2010. Москва: Русская панорама.
Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г. 2009. *Сибирь и первые американцы*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
Васильев С. А. 2011. Комментарии. *РАЕ* 1, 34—37.
Вишняцкий Л. Б. 2008. *Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхне-палеолитической революции*. Санкт-Петербург: изд-во СПбГУ.
Гайдуков П. Г., Носов Е. Н., Янсон И. 1993. Скандинавская равноплечая фибула типа Вальста из района истока Волхова. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 2, 115—121.

- Горюнова В.М. 1991. Начальная история древних Лук (X — начало XI вв.). В: В.Л. Янин, Е.Н. Носов, П.Г. Гайдуков. (ред.). *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990*. Москва, 38—67.
- Горюнова В.М., Плехов А.В. 2011. Контакты населения Приильменя и Поволховья с народами Балтики в IX—X вв. по керамическим материалам. *Археологические вести* 17, 259—280.
- Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. 2011. Охта 1 — первый памятник эпох неолита и раннего металла в центральной части Петербурга. *РАЕ* 1, 421—451.
- Клейн Л.С. 2011. Гипотеза в археологии. *РАЕ* 1, 56—69.
- Клейн Л.С. 2011а. Еще раз к вопросу о тохарской миграции. *Stratum plus* (2), 183—186.
- Ковалев А.А. 2004. *Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров*. В: Вишняцкий Л.Б., Ковалев А.А., Щеглова О.А. (отв. ред.). *Археолог: детектив и мыслитель* (сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна). Санкт-Петербург: изд-во СПбГУ, 249—292.
- Ковалев А.А. 2005. *Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии*.
- Ковалев А.А. 2011. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. *РАЕ* 1, 183—244.
- Кочуркина С.И. 2003. *Весь* (по археологическим материалам). В: Клементьев Е.И., Шлыгина Н.В. (отв. ред.). *Прибалтийско-финские народы России*. Москва: Наука, 333—341.
- Кузьмин А.Г. 2003. *Начало Руси. Тайны рождения русского народа*. Москва: Вече.
- Кузьмин Я.В. 2011. Радиоуглеродный метод датирования и его применение в современной археологии: основные тенденции и достижения последних 20 лет. *РАЕ* 1, 554—573.
- Кулаков В.И. 1999. Балтийский вариант движения викингов. *Stratum plus* (5), 148—152.
- Кулаков В.И. 1999а. Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства). *Archaeologia lithuana* 1, 197—213.
- Кулаков В.И. 2003—2004. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I—XI вв. н.э. *Stratum plus* (4), 278—382.
- Кулешов С.В., Мачинский Д.А. 2004. *Колбьяги*. В: Мачинский Д.А. (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 207—227.
- Курбатов А.В. 2006. Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VII—XI вв. по материалам кожевенного ремесла. *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья* 2, 54—71.
- Курбатов А.В. 2011. Инородные» кожаные предметы средневековой Руси. *Stratum plus* (5), 183—200.
- Лесман Ю.М. 2011. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI—XII веках. *РАЕ* 1, 396—420.
- Лич С. 2011. Археолог и детектив: от Ленинграда до Сент-Мери Мид. *РАЕ* 1, 70—72.
- Мачинский Д.А. 1988. *Колбьяги «Русской Правды» и приладожская курганная культура. Тихвинский сборник* 1, 90—103.
- Мачинский Д.А., Панкратова М.В. 2002. Северная Русь и саги о древних временах. В: *Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов (к 300-летию Санкт-Петербурга)*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 21—46.
- Муллонен И.И. 2003. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX—XX вв. В: Клементьев Е.И., Шлыгина Н.В. (отв. ред.). *Прибалтийско-финские народы России*. Москва: Наука, 342—348.
- Носов Е.Н. 1997. У истоков Новгорода. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Славянский средневековый город 2*. Москва: ИА РАН, 272—285.
- Павлов П.Ю. 2009. Стоянка Гарчи 1 — памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал). *Археологические вести* 16, 16—28.
- Палагута И.В. 2011. Орнаменты Триполья-Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации. *РАЕ* 1, 245—261.
- Питулько В.В. 2011. Комментарии. *РАЕ* 1, 37—46.
- Рогудеев В.В. 2007. Находки ранней западнославянской керамики в Подонье. *Археологические записки* 5. Ростов-на-Дону, 59—64.
- Рыбина Е.А. 1997. Новгород в системе балтийских связей. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Славянский средневековый город 2*. Москва: ИА РАН, 326—333.
- Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. 2002. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение). В: Кирпичников А.Н. (отв. ред.). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 196—203.
- Санкина С.А. 2011. Данные антропологии к проблеме заселения Ижорского плато. Могильник Ново-Сиверская-2. *Археологические вести* 17, 154—158.
- Седов В.В. 1978. Лепная керамика Изборского городища. *КСИА* 155, 63—67.
- Слободин С.Б. 2011. Комментарии. *РАЕ* 1, 47—51.
- Слободин С.Б. 2011а. Раннеголоценовые памятники Аляски. *РАЕ* 1, 111—147.
- Смирнов А.С. 2011. Неизвестные страницы археологических путешествий Н.П. Кондакова. *РАЕ* 1, 511—526.
- Смирнова Г.П. 1974. О трех группах новгородской керамики X — начала XI в. *КСИА* 139, 17—22.
- Сорокина И.А. 2011. Регламентация полевых исследований в России и представления о ней государства, ученых и обществности во второй половине XIX и начале XX веков. *РАЕ* 1, 452—471.
- Табарев А.В. 2011. Атлантическая сага, или последнее путешествие солотрейцев (некоторые аспекты дискуссии о маршрутах первоначального заселения Нового Света). *РАЕ* 1, 7—30.
- Табарев А.В. 2011а. По следу солотрейцев. Разбор полетов. *РАЕ* 1, 52—55.
- Ташак В.И. 2011. Хронология раннего этапа верхнего палеолита западного Забайкалья (по материалам Подзвонкой). *РАЕ* 1, 100—110.
- Тихонов И.Л. 2011. Археология в этнографических музеях Санкт-Петербурга XIX — начала XX веков. *РАЕ* 1, 527—547.
- Фомин В.В. 2005. *Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. Москва: Русская панорама.
- Хвоцинская Н.В. 1976. Население восточного побережья Чудского озера (по материалам курганов у деревень Залахтовые и Калихновщина). *КСИА* 146, 18—24.
- Хвоцинская Н.В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовые)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Цветкова Н.А. 2011. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения. *РАЕ* 1, 148—182.
- Чугунов К.В. 2011. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии. *РАЕ* 1, 262—335.
- Шаров О.В. 2005—2009. Перекладчатая фибула из Ста-

№4. 2012

- рой Ладоги. *Stratum plus* (5), 216—242.
- Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. 2011. Находки кладов римских монет в районе Копорья. *PAE* 1, 336—360.
- Шер Я. А. 2011. Возродится ли в России археологическое образование? *PAE* 1, 574—588.
- Buchanan B., Collard M. 2008. Phenetics, cladistics, and the search for the Alaskan ancestors of the Paleoindians: a reassessment of relationships among the Clovis, Nenana, and Denali archaeological complexes. *Journal of Archaeological Science* 35 (2008) 1683—1694.
- Randsborg K. 2011. Climate and history. Scandinavia and beyond. *PAE* 1, 548—553.

References

- Anikovich M. V. 2011. Kommentarii. *RAE* 1, 31—34.
- Beletskij S. V. 2011. Pskov v I — nachale II tysyacheletiya n. e. *RAE* 1, 361—395.
- Belozerova I. V., Kuz'minykh S. V., Safonov I. E. 2011. Zhiznennyj put' Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya). *RAE* 1, 472—510.
- Belyaeva E. V., Lyubin V. P. 2011. Ashel'skie rubila i istoki protodizajna. *RAE* 1, 73—99.
- VRV 2010: Varyago-russkij vopros v istoriografii. Fomin V. V. (otv. red.). 2010. Moskva: Russkaya panorama.
- Vasil'ev S. A., Berezkin Yu. E., Kozintsev A. G. 2009. *Sibir' i pervye amerikantsy*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN.
- Vasil'ev S. A. 2011. Kommentarii. *RAE* 1, 34—37.
- Vishnyatskij L. B. 2008. *Kul'turnaya dinamika v seredine pozdnego plejstotsena i prichiny verkhnepaleoliticheskoj revolyutsii*. Sankt-Peterburg: izd-vo SPbGu.
- Gajdukov P. G., Nosov E. N., Yanson I. 1993. Skandinavskaya ravnoplechaya fibula tipa Val'sta iz rajona istoka Volkhova. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya* 2, 115—121.
- Goryunova V. M. 1991. Nachal'naya istoriya drevnikh Luk (X — nachalo XI vv.). V: V. L. Yanin, E. N. Nosov, P. G. Gajdukov. (red.). *Materialy po arkhologii Novgorodskoj zemli. 1990*. Moskva, 38—67.
- Goryunova V. M., Plokhov A. V. 2011. Kontakty naseleniya Priil'men'ya i Povolkhov'ya s narodami Baltiki v IX—X vv. po keramicheskim materialam. *Arkheologicheskie vesti* 17, 259—280.
- Gusentsova T. M., Sorokin P. E. 2011. Okhta 1 — pervyj pamyatnik epokh neolita i rannego metalla v tsentral'noj chasti Peterburga. *RAE* 1, 421—451.
- Klejn L. S. 2011. Gipoteza v arkhologii. *RAE* 1, 56—69.
- Klejn L. S. 2011a. Eshche raz k voprosu o tokharskoj migratsii. *Stratum plus* (2), 183—186.
- Kovalev A. A. 2004. *Drevnejshaya migratsiya iz Zagrosa v Kitaj i problema prarodiny tokharov*. V: Vishnyatsky L. B., Kovalev A. A., Shcheglova O. A. (otv. red.). *Arkheolog: detektiv i myslitel'* (sbornik statej, posvyashchennyj 77-letiyu L. S. Klejna). Sankt-Peterburg: izd-vo SPbGu, 249—292.
- Kovalev A. A. 2005. *Chemurchekskij kul'turnyj fenomen: ego proiskhozhdenie i rol' v formirovanii kul'tur epokhi rannej bronzy Altaya i Tsentral'noj Azii*.
- Kovalev A. A. 2011. Velikaya chemurchekskaya migratsiya iz Frantsii na Altaj v nachale tret'ego tysyacheletiya do n. e. *RAE* 1, 183—244.
- Kochkurkina S. I. 2003. Ves' (po arkhologicheskim materialam). V: Klement'ev E. I., Shlygina N. V. (otv. red.). *Pribaltijsko-finskie narody Rossii*. Moskva: Nauka, 333—341.
- Kuz'min A. G. 2003. *Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda*. Moskva: Veche.
- Kuz'min Ya. V. 2011. Radiouglerodnyj metod datirovaniya i ego primenenie v sovremennoj arkhologii: osnovnye tendentsii i dostizheniya poslednikh 20 let. *RAE* 1, 554—573.
- Kulakov V. I. 1999. Baltijskij variant dvizheniya vikingov. *Stratum plus* (5), 148—152.
- Kulakov V. I. 1999a. Baltijskij aktsent v dvizhenii vikingov (etnicheskie diffuzii i traditsii iskusstva). *Archaeologia lithuana* 1, 197—213.
- Kulakov V. I. 2003—2004. Arkheologicheskie kriterii sotsial'noj istorii Yantarnogo berega v I—XI vv. n. e. *Stratum plus* (4), 278—382.
- Kuleshov S. V., Machinskij D. A. 2004. Kolbyagi. V: Machinskij D. A. (red.). *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoj*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 207—227.
- Kurbatov A. V. 2006. Svyazi Povolkhov'ya s regionami Baltijskogo morya v VII—XI vv. po materialam kozhevennogo remesla. *Ladoga i Ladozhskaya zemlya v epokhu srednevekov'ya* 2, 54—71.
- Kurbatov A. V. 2011. «Inorodnye» kozhanye predmety srednevekovoj Rusi. *Stratum plus* (5), 183—200.
- Lesman Yu. M. 2011. Prichud'e, Izhorskoe plato i kul'turnaya spetsifika severorusskogo pogranich'ya v XI—XII vekakh. *RAE* 1, 396—420.
- Lich S. 2011. Arkheolog i detektiv: ot Leningrada do Sent-Meri Mid. *RAE* 1, 70—72.
- Machinskij D. A. 1988. *Kolbyagi «Russkoj Pravdy» i priladozhskaya kurgannaya kul'tura. Tikhvinskij sbornik* 1, 90—103.
- Machinskij D. A., Pankratova M. V. 2002. Severnaya Rus' i sagi o drevnikh vremenakh. V: *Evropa — Azija: problemy etnokul'turnykh kontaktov (k 300-letiyu Sankt-Peterburga)*. Sankt-Peterburg: MAE RAN, 21—46.
- Mullonen I. I. 2003. Territoriya rasseleniya i etnonimiy vepsov v XIX—XX vv. V: Klement'ev E. I., Shlygina N. V. (otv. red.). *Pribaltijsko-finskie narody Rossii*. Moskva: Nauka, 342—348.
- Nosov E. N. 1997. U istokov Novgoroda. V: Sedov V. V. (otv. red.). *Slavyanskij srednevekovyj gorod* 2. Moskva: IA RAN, 272—285.
- Pavlov P. Yu. 2009. Stoyanka Garchi 1 — pamyatnik kostenkovsko-streletskoj kul'tury na Verkhnej Kame (Severnyj Ural). *Arkheologicheskie vesti* 16, 16—28.
- Palaguta I. V. 2011. Ornamenty Tripol'ya-Kukuteni: napravleniya issledovanij i vozmozhnosti interpretatsii. *RAE* 1, 245—261.
- Pitul'ko V. V. 2011. Kommentarii. *RAE* 1, 37—46.
- Rogudeev V. V. 2007. Nakhodka rannej zapadnoslavyanskoy keramiki v Podon'e. *Arkheologicheskie zapiski* 5. Rostov-na-Donu, 59—64.
- Rybina E. A. 1997. Novgorod v sisteme baltijskikh svyazey. V: Sedov V. V. (otv. red.). *Slavyanskij srednevekovyj gorod* 2. Moskva: IA RAN, 326—333.
- Ryabinin E. A., Dubashinskij A. V. 2002. Lyubshanskoe gorodishche v Nizhnem Povolkhov'e (predvaritel'noe soobshchenie). V: Kirpichnikov A. N. (otv. red.). *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 196—203.

- Sankina S.A. 2011. Dannye antropologii k probleme zaseleniya Izhorskogo plato. *Mogil'nik Novo-Siverskaya-2. Arkheologicheskie vesti* 17, 154—158.
- Sedov V.V. 1978. Lepnaya keramika Izborskogo gorodishcha. *KSIA* 155, 63—67.
- Slobodin S.B. 2011. Kommentarii. *RAE* 1, 47—51.
- Slobodin S.B. 2011a. Rannegolotsenovyie pamyatniki Alyaski. *RAE* 1, 111—147.
- Smimov A.S. 2011. Neizvestnyie stranitsy arkheologicheskikh puteshestvij N.P. Kondakova. *RAE* 1, 511—526.
- Smimova G.P. 1974. O trekh gruppakh novgorodskoj keramiki X — nachala XI v. *KSIA* 139, 17—22.
- Sorokina I.A. 2011. Reglamentatsiya polevykh issledovaniy v Rossii i predstavleniya o nej gosudarstva, uchenykh i obshchestvennosti vo vtoroj polovine XIX i nachale XX vekov. *RAE* 1, 452—471.
- Tabarev A.V. 2011. Atlanticheskaya saga, ili poslednee puteshestvie solyutretsev (nekotorye aspekty diskussii o marshrutakh pervonachal'nogo zaseleniya Novogo Sveta). *RAE* 1, 7—30.
- Tabarev A.V. 2011a. Po sledu solyutretsev. *Razbor poletov. RAE* 1, 52—55.
- Tashak V.I. 2011. Khronologiya rannego etapa verkhnego paleolita zapadnogo Zabajkal'ya (po materialam Podzvonkoj). *RAE* 1, 100—110.
- Tikhonov I.L. 2011. Arkheologiya v etnograficheskikh muzeyakh Sankt-Peterburga XIX — nachala XX vekov. *RAE* 1, 527—547.
- Fomin V.V. 2005. *Varyagi i varyazhskaya Rus': k itogam diskussii po varyazhskomu voprosu*. Moskva: Russkaya panorama.
- Khvoshchinskaya N.V. 1976. Naselenie vostochnogo poberezh'ya Chudskogo ozera (po materialam kurganov u dereven' Zalaktov'e i Kalikhnovshchina). *KSIA* 146, 18—24.
- Khvoshchinskaya N.V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoj zemli (po materialam mogil'nika Zalaktov'e)*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN.
- Tsvetkova N.A. 2011. Rannij neolit Verkhnego Povolzh'ya: nekotorye itogi izucheniya. *RAE* 1, 148—182.
- Chugunov K.V. 2011. Arzhan-2: rekonstruktsiya etapov funktsionirovaniya pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa i nekotorye voprosy ego khronologii. *RAE* 1, 262—335.
- Sharov O.V. 2005—2009. Perekladchataya fibula iz Staroj Ladogi. *Stratum plus* (5), 216—242.
- Sharov O.V., Palaguta I.V., Khavrin S.V. 2011. Nakhodki kladov rimskikh monet v rajone Kopor'ya. *RAE* 1, 336—360.
- Sher Ya.A. 2011. Vozrodit'sya li v Rossii arkheologicheskoe obrazovanie? *RAE* 1, 574—588.
- Buchanan B., Collard M. 2008. Phenetics, cladistics, and the search for the Alaskan ancestors of the Paleoindians: a reassessment of relationships among the Clovis, Nenana, and Denali archaeological complexes. *Journal of Archaeological Science* 35 (2008) 1683—1694.
- Randsborg K. 2011. Climate and history. Scandinavia and beyond. *RAE* 1, 548—553.

Статья поступила в номер 26 мая 2012 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. High Anthropological School University.

Aleksey Romanchuk (Chişinău, Moldova). Magistru în antropologie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинев, Молдова). Магистр антропологии. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: dierevo@mail.ru